

Yao X. Developments in the Use of the English Present Perfect: 1750 – Present. – Journal of English Linguistics. – 2014. – No. 42(4) – P. 307–329.

Yao X., Collins P. Recent change in non-present perfect constructions in British and American English. – Corpora. – 2013. – No. 8 (1). – P. 115 – 135.

Принята редакцией: 21.10.2015

DOI: 10.15372/PHE20150611

УДК 13+316.3/.4+372.016:81

ПРАКТИКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ)³

О. А. Вальгер (Новосибирск)

Статья посвящена изучению практик, обеспечивающих преемственность постоянно воссоздаваемому конструкту нации в условиях свободного доступа ко всему разнообразию культурных знаков, который предоставляет нам современный мир. Автор рассматривает пример обучения государственному языку, которое привлекается элитами как средство унификации кода для эффективной трансляции коллективного нарратива. Развитие языка до кода обучения и официально-делового общения рождает языковые практики, которыми пользуется индивид в социальном общении. Эти языковые практики в значительной степени определяются тем, какой принцип членства практикуется в национальном сообществе.

В современном мире поле возможного социального опыта индивида беспрецедентно широко по сравнению с предыдущими эпохами, и обучение государственному языку становится одним из способов обеспечения наличия некоторой общей части социального опыта у широкого круга не взаимодействующих непосредственно членов одного национального сообщества. Поскольку национальная идентичность существует в форме сверки процессов самоидентификации и идентификации индивида, роль обучения государственному языку в этом процессе может быть описана как предоставление потока ситуаций, вызывающих процессы сверки. Идея многоэтнического гражданского национального сообщества основывается на допущении того, что языковая личность изменчива. Процесс обучения государственному языку изменяет языковую идентичность, делая восприятие ее индивидом более осмысленным и символически маркированным, что обеспечивает схожесть культурных знаков в опыте разных членов одного и того же политического сообщества.

Ключевые слова: национальная идентичность, гражданская нация, самоидентификация, государственный язык, символическое замещение, культурный знак.

³Работа выполнена в рамках проекта «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека» при поддержке Российского научного фонда (грантовое соглашение № 14-18-03087).

© Вальгер О. А., 2015

Вальгер Олеся Алексеевна – аспирант кафедры права и философии, старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: olesyavalger@gmail.com

Valger Olesya A. – postgraduate student in Social Philosophy with the Department of Law and Philosophy, Senior Lecturer for the English Department of Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

**PRACTICES OF IDENTIFICATION IN CIVIC NATIONS
(THE CASE OF STATE LANGUAGE EDUCATION)**

O. A. Valger (Novosibirsk)

The article is devoted to the study of social practices that enable the continuity of constantly changing constructed nations in the environment of free access to varied cultural markers in the modern world. The author observes these processes on the case of state language education. The education is employed by elites as a means of code unification to broadcast the collective narrative effectively. The development of a language into a code used for education and official documents produces language practices that an individual utilizes in social communication. These language practices are considerably predetermined by the principle of belonging that characterizes a given society. In the modern world the field of possible social experiences is unprecedentedly wide compared to any preceding epochs, and state language education becomes one of the means to provide some common social experience for a wide range of members of a national community who do not physically interact with each other. As national identities exist as dynamic comparison of identification and self-identification by an individual, we may describe the role of state language education as continuous supply of situations that evoke this comparison. The concept of a multiethnic civic national community is based on the assumption that linguistic personalities are changeable. State language education as a process transforms the linguistic identity of an individual through encouraging the individual to perceive his/her linguistic identity in a more meaningful and symbolically marked way. The system of teaching the state language also promotes similarity of cultural markers for members of one political community.

Keywords: national identity, civic nation, identification, state language, symbolic representation, cultural marker.

Опыт как развитых, так и развивающихся стран показывает, что построение национального государства всегда сопровождается языковой стандартизацией и внедрением обязательного образования, включающего в основную программу изучение государственного языка. Начиная с эпохи Возрождения, европейские государства осознанно работают над совершенствованием языков, создают академии для их развития [1, с. 70], а интеллектуальные элиты пишут трактаты, утверждающие, что народные языки могут сравниться (и даже превзойти) по красноречию с классическими [2, с. 29]. Унификация народных языков в стандартизированные варианты позволила сделать языковую идентичность опорой для политической идентичности, мобилизовав привычные символы для нужд национализма.

В современном мире идентичность становится более субъективным и динамическим процессом, поскольку поле возможного социального опыта индивида беспрецедентно широко по сравнению с предыдущими эпохами, когда оно было задано полученным при рождении социальным статусом. Но если профессиональная, сословная, классовая идентичности сегодня размыты и их выбор почти не задан извне, то национальная идентичность и сейчас в значительной степени опирается на национальную

идентичность членов семьи и ближайшего окружения. Как сохраняется преемственность гражданских наций, когда современные технологии расширили возможности самоопределения до невиданного ранее ассортимента социального опыта?

В современных исследованиях, посвященных феномену национализма и национальной идентичности, значительная роль отводится языку и языковой идентичности как факторам их формирования. Во второй половине XX в. мощнейшее влияние на взгляды на природу и историю развития национализма оказали работы Э. Гелльнера, Б. Андерсона, Э. Смита [3–5], которые задали точку отсчета для многих последующих исследований: нации появились как ответ на новую экономическую реальность, национализм обеспечивает более эффективное функционирование государства, национальная идентичность выражается в соотношении себя с воображаемым сообществом, и ее построение является желанным для любого национального государства. Язык же являлся мобилизующим фактором в зарождающихся национальных сообществах, объединяя интеллектуальные элиты для выработки основного варианта языка (грамматика, словарь, литературные хрестоматии для обучения в школе), политические элиты для модернизации образования, а сообщества граждан – подданных формирующегося национального государства – вокруг коллективного нарратива, потока текстов на национальном языке, связывающем сообщество единым информационным полем, прежде всего, через СМИ и литературное творчество, а в ряде стран еще и через публичную риторику. Национальное проектирование «сверху» привлекает обучение государственному языку как средству унификации кода для эффективной трансляции коллективного нарратива [6, с. 74]. На этом этапе происходит переход языка из устной речи в письменную, сопровождающийся стандартизацией аспектов языка и расширением его словарного состава.

Этот процесс поддерживается социальной инженерией, осуществляемой интеллектуальными элитами для превращения языка в код обучения и официально-делового общения. В результате:

- возникает норма владения государственным языком среди государственных служащих, поскольку статус языка в официальных учреждениях в большинстве случаев закрепляется законодательно;
- норма научной деятельности на государственном языке, которая попутно рождает практику научного перевода (в Российской империи, к примеру – с латыни, французского, немецкого, а позднее – английского языка).
- возникает новая ценность грамотности: правильное словоупотребление, правописание, произношение и ударение при общении на государственном языке становятся признаком образованного человека и ориентиром при постановке целей образовательного процесса;

– интеллектуальные элиты начинают производство потока образцов изящной словесности, предназначенных для широкого круга потребителей: литературных журналов, хрестоматий, крупных форм художественной литературы;

– рождается социальная инфраструктура СМИ, позволяющая создавать информационное поле для объединения широких групп людей, не связанных непосредственным опытом или родством.

Развитие языка до кода обучения и официально-делового общения способствует появлению языковых практик, которыми пользуется индивид в социальном общении [7, с. 65]. Эти языковые практики в значительной степени определяются тем, какой принцип членства практикуется в национальном сообществе. Широко известной является концепция, разделяющая все нации на этнические и гражданские (основатели классификации – Э. Ренан, Ф. Мейнеке, Г. Кон [8–10]). Этнические нации трактуются как сообщества, членство в которых возможно для круга лиц, ограниченного неизменным признаком принадлежности к конкретному этносу или этнической группе. За счет иллюзии генетического родства происходит поддержание групповой солидарности [11, с. 40]. Очень немногие сообщества на протяжении своей истории были достаточно закрыты, чтобы обеспечить однородный состав населения. Поэтому исследование практик идентификации гражданской нации представляется более актуальной темой. В широком смысле под гражданской нацией понимается конструкт – воображаемое сообщество, построенное на принципе подвижного членства: причастность к сообществу возможна на основе изменяемых признаков, членство в сообществе не монолитно и осуществляется через практику, практикуется индивидом, который идентифицирует себя с помощью культурной знаковой формы. В таком сообществе действия политических и интеллектуальных элит по национальному проектированию рождают ряд общественных институтов, которые на низовом уровне наполняются социальными практиками, интегрирующими индивидов в локальные группы. Эти институты призваны мотивировать индивидов действовать в интересах крупного абстрактного сообщества (нации), намеренно упуская возможности к получению личной или корпоративной выгоды за счет других членов и групп.

Практикуемая причастность к абстрактной группе, познакомиться со сколько-нибудь значимым количеством членов которой индивид не в состоянии, есть феномен национальной идентичности личности. И если Б. Андерсон понимает национальный язык как данность, на основе которой строится национальная идентичность, то Хобсбаум первым выдвинул утверждение, что национальный язык является дискурсивной конструкцией, которая позднее проходит «мистическое отождествление» с конструкцией национальности [12, с. 92]. Следует отметить, что Хобсбаум, яв-

ляясь историком национализма, делает основной акцент на диахроническом аспекте становления национальных государств и заключает, что национальный язык исторически является сконструированным и не может быть источником национализма. Однако представляется возможным предположить, что для отдельного носителя уже сконструированного языкового стандарта языковая идентичность вполне может являться источником национальной идентичности.

Национальная идентичность традиционно понимается как социальный феномен, включающий в себя категоризацию человеком окружающей социальной реальности на крупные воображенные сообщества и самоотнесение человеком себя к одному из этих сообществ [13, с. 9]. Выступая в качестве одного из аспектов идентичности, национальная идентичность может быть рассмотрена как те представления, знания и переживания, задающие основу самоидентичности, о которых человек может сказать «это я». Она относительно стабильна, хотя сдвиги в национальной идентичности могут наблюдаться в значительном числе случаев (например, Chui P. I. Как подробно разбирает пример изменения национальной идентичности выходцев Гонконга в континентальном Китае, причиной которого он видит непризнание местным населением их образа жизни в качестве «китайского», несмотря на совпадение этнических, языковых и исторических символов национального [14, с. 654]). Можно утверждать, что национальная идентичность существует в форме постоянной сверки внутренних и внешних процессов идентификации индивида в обществе. Для удобства обозначим внутренний процесс как самоидентификацию, а внешний – как идентификацию.

Рассмотрим внутренний процесс самоидентификации. Идентичность – результат принципиально открытого процесса самоидентификации, в которую индивид вовлечен в ходе социализации и социальной адаптации, она подвижна и не может быть конечной в течение жизни [15, с. 119]. Восприятие индивидом текста, символа, взаимодействия с другим индивидом запускает процесс распознавания и признания либо непризнания себя как члена группы. Идентифицирующий себя субъект, воспринимая попавший в поле его внимания внешний опыт (текст, объект, другого индивида или его поведение), обращается к ранее освоенному культурному знаку (символу, конструкту, понятию). С помощью этого знака он соотносит или не соотносит себя с этим актуальным сейчас для него внешним опытом, в случае положительного соотнесения признавая свое членство в группе и откладывая этот опыт в свой поведенческий сценарий. Это группа является символической, поскольку как целое она не может быть дана в опыте, и мы видим ее только с помощью символического замещения [16, с. 343].

Теперь рассмотрим внешний процесс идентификации, осуществляемый другим человеком относительно человека, взятого за точку отсчета.

Взаимодействие индивида с другим индивидом включает ситуацию распознавания и признания либо непризнания его в качестве члена той же группы другим индивидом. Это аналогичный, но скрытый от наблюдения субъекта процесс, который протекает на основе другого социального опыта и, возможно, других освоенных культурных знаков. Результат этого процесса можно спрогнозировать в зависимости от степени знакомства двух индивидов, но полностью предсказать его индивид не в состоянии, а узнать его способен только в процессе коммуникации. Другой индивид может сообщить, каков результат идентификации, вербально или невербально. Но следует помнить, что он может и постараться скрыть этот результат, например, ряд таких культурных норм, как вежливость, толерантность, тактичность поощряют сокрытие негативного исхода идентификации.

Получается, что национальная идентичность происходит как сверка результата самоидентификации субъектом себя относительно некоего знакового-символического поля с результатом внешнего по отношению к индивиду процесса идентификации его другим индивидом с другой вариацией того же знаково-символического поля.

Вопрос, который неизбежно возникает здесь, связан с тем, что субъект сам проектирует свою среду, выбирая из всего многообразия событий, контактов, объектов те, которые будут для него актуальными. Каково основание для выбора опыта, который запустит процесс сверки? Мы предполагаем, что в нецеленаправленном выборе индивид руководствуется стремлением к положительному исходу сверки, который будет подкреплять его ранее сформировавшуюся идентичность. Это наблюдается в ранее изученном нами процессе выбора новостной информации: при наличии широкого, неограниченного языковым и информационным барьером поля выбора информации индивид склонен выбирать ту информацию, которая подтверждает его социальный опыт или расширяет его, не опровергая [17, с. 32]. Естественно, при сознательном выборе субъект может руководствоваться иными стремлениями, например, в познавательных целях он наоборот может искать социальный опыт, максимально отличающийся от уже освоенного им.

Опираясь на это, мы можем предположить, что человек, переживающий тождественность или подобие своего индивидуального и коллективного образа нации, тем самым актуализирует свою национальную идентичность. Нам представляется возможным, что национальная идентичность актуализируется и подкрепляется:

а) *в ситуациях положительной групповой идентификации.* Человек, идентифицировавший группу как относящуюся к его нации, и идентифицированный группой как таковой, получает подкрепление своей национальной идентичности. Пример такой ситуации: обратившись к незна-

комцу на улице в многонациональном городе, человек слышит ответ на родном языке;

б) *в ситуациях соответствия индивидуального опыта и коллективного нарратива.* Если коллективный нарратив считает сущностным для данной нации определенный тип поведенческой реакции в типовой ситуации, то человек, поступавший так же, при восприятии текста или символа коллективного нарратива получает подкрепление своей национальной идентичности. Пример такой ситуации: читая текст о семейном быте 1980-х гг., человек соотносит изложенное со своим опытом семейного быта в этот период;

в) *в кризисных ситуациях кросскультурной коммуникации.* Столкновение человека с «другим», у которого есть свои, альтернативные представления о признаках, присущих нации данного человека, рождает кризисную ситуацию, справиться с которой человек может через мощную актуализацию своей национальной идентичности. Пример такой ситуации: общение с носителем иностранного языка на уроке английского заставляет человека осмысливать свой личный опыт как отличный от опыта, подразумеваемого собеседником.

Возвращаясь к изложенным выше мыслям о роли государственного языка на этапе становления национальных государств, хотелось бы задать следующие вопросы: в чем суть процессов, происходящих с индивидом во время освоения и практики употребления государственного языка? как освоение и практика позволяют получить достаточное подкрепление национальной идентичности? Поскольку мы взяли случай гражданской нации с подвижным членством, мы рассматриваем примеры освоения государственного (письменного, стандартизированного и официально признанного варианта) языка как носителем устного варианта этого языка, так и носителем другого национального языка.

Во-первых, индивид в освоении государственного языка (стандартизированного варианта родного языка для большинства граждан государства) прежде всего получает инструмент подтверждения своей идентичности в процессе коммуникации с другими членами сообщества: лексическое, грамматическое, фонетическое и интонационное наполнение речи является маркером разделения на «своих» и «чужих», что верно не только для групп, владеющих разными языками, но и для групп, владеющих разными вариантами одного и того же языка (например, региональных групп), а также для групп, активно владеющих разными пластами языка (например, профессиональных, экономических, маргинальных групп). По утверждению А. Першая, язык способен создавать «локальные эффекты солидарности» [18, с. 623], и солидарность с малой группой может поддерживаться посредством использования специфического варианта языка. Идентичность с данной в непосредственном социальном опыте боль-

шой группой (в данном случае с воображаемой нацией) может опираться на экстраполяцию социального опыта, получаемого в малых группах, и на освоенные в нем культурные знаки.

Во-вторых, владение государственным языком позволяет практиковать свою политическую идентичность в ситуациях пользования общественно-политическими институтами. Заполнение документов, обращение в органы законодательной, исполнительной или судебной власти, участие в общественной дискуссии, исполнение гражданских обязанностей (например, воинская повинность), активное или пассивное участие в избирательном процессе – все это предполагает, что доступ к общественному благу и механизмам принятия решений в обществе в значительной степени обусловлен уровнем владения государственным языком. Поскольку участие в социально-политических процессах общества часто обусловлено наличием высокого уровня владения государственным языком, освоение государственного языка становится привлекательным для населения, чей родной язык или вариант отличается от стандартизированного. Стоит вспомнить упомянутый выше тезис, что возникновение государственного языка сопровождается развитием письменного варианта, который даже носители государственного языка как родного осваивают только в процессе целенаправленного образования. Если мы рассматриваем гражданскую нацию с точки зрения социальной мобильности [19, с. 303], то перемещение в социальном пространстве как по горизонтали (членство в локальной группе), так и по вертикали (иерархия в группе) требует от многих людей смены их привычных языковых практик.

Отсюда следует, что процесс обучения государственному языку изменяет языковую идентичность, делая ее восприятие индивидом более осмысленным и символически маркированным. Процесс обучения языку создает поток ситуаций сверки индивидуального и коллективно ценного опыта, предполагая восприятие, осмысление и анализ значительного числа устных и письменных текстов, микротекстов и отдельных предложений, характеризующих ситуации или содержащих отсылки к ряду культурно значимых текстов. Данная нам в опыте социальная реальность в значительной степени оформлена языком, и индивид может рефлексивно оценивать свою языковую идентичность как существенный признак себя. Зачастую индивид связывает со своей языковой идентичностью национальную или политическую идентичность, и открытым остается вопрос «Являются ли источники этой связи преимущественно внешними или внутренними?» С одной стороны, наш социальный опыт в процессе школьного образования в немалой степени составляют сентенции и тексты, подчеркивающие достоинства осваиваемого на уроках языка. С другой стороны, восприятие этих текстов и сентенций может радикально отличаться в зависимости от уже имеющихся в социальном опыте индивида предпосылок. Это можно

наблюдать, к примеру, при чтении стихотворения в прозе «Русский язык» И. С. Тургенева в процессе преподавания русского языка как иностранного: благоприятная реакция мотивированных студентов, добровольно изучающих русский язык, не опирается ни на национальную, ни на этническую, ни на политическую идентичность.

Таким образом, идея многоэтнического гражданского национального сообщества основывается на допущении, что языковая личность изменчива. Подвижное членство в национальном сообществе предполагает, что носитель любого родного языка может со временем интегрироваться в данное национальное сообщество в процессе освоения практик этого сообщества, включая и языковые практики. Отсюда проистекает специфический для гражданской нации институт социализации новых членов, включающий такой комплекс практик, как преподавание государственного языка как иностранного. Однако даже для носителей государственного языка как родного функциональная грамотность и степень интеграции в сообщество в значительной степени определяются уровнем владения письменным вариантом государственного языка, что требует прохождения процесса организованного и целенаправленного образования. Обучение государственному языку обеспечивает поток ситуаций сверки процессов идентификации и самоидентификации субъектом, который делает возможным постоянное подкрепление национальной идентичности. Система обучения государственному языку предоставляет всем членам сообщества общий социальный опыт, содержание которого во многом задано интеллектуальными элитами и который обеспечивает схожесть культурных знаков в опыте разных членов одного и того же политического сообщества. Заданная таким образом схожесть культурных знаков позволяет национальному государству обеспечивать относительную преемственность постоянно воссоздаваемому в индивидуальном сознании конструкту нации в условиях свободного доступа ко всему разнообразию культурных знаков человечества, который предоставляет нам современный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Донских О. А.** Где изысканность русской медлительной речи? // Высшее образование в России. – 2013. – Т. 10. – С. 69–77.
2. **Joseph J.** Language and Identity: National, Ethnic, Religious. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire & New York, 2004. – 125 p.
3. **Gellner E.** Nations and nationalism. – Cornell, 2008. – 154 p.
4. **Anderson B.** Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – London, 2004. – 245 p.
5. **Smith A. D.** National identity. – Nevada, 1991. – 228 p.
6. **Wright S.** Community and Communication. The role of language in nation state building and European integration. – Clevedon, 2000. – 281 p.

7. **Ерохин В. В., Везнер С. И.** Мотивационный потенциал взаимодействия коммуникативного и лингвопантомимного факторов в методике преподавания дисциплин, связанных с изучением иностранного языка // *Философия образования*. – 2015. – No 3. – С. 65–75.
8. **Renan, E.** What is a Nation? // *Nation and narration*. – 1990. – No 11. – P. 8–22.
9. **Meinecke F.** *Historism; the Rise of a New Historical Outlook*. – Oxford, 1972. – 405 p.
10. **Kohn H.** *The idea of nationalism: a study in its origins and background*. – Transaction Publishers, 1961. – 737 p.
11. **Кайгородов П. В.** Целесообразность концепции национальности как элемента самоидентификации // *Идеи и идеалы*. – 2013. – Т. 2, № 3 – С. 38–43.
12. **Hobsbawm E.** Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity // *Living as Equals*. – Ed. by Paul Barker. – Oxford, 1997. – P. 85–98.
13. **Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И.** Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // *Психологические исследования*. – 2012. – Т. 5, no 26. – С. 2–10.
14. **Kam Ch. P. I.** Personal identity versus national identity among Hong Kong youths – personal and social education reform after reunification // *Social Identities*. – 2012. – Vol. 18, no 6. – P. 649–661.
15. **Малахов В. С.** Символическое производство этничности и конфликт // *Язык и этнический конфликт*. – 2001. – Вып. 22. – С. 115–137.
16. **Смирнов С. А.** Чертов мост: введение в антропологию перехода. – Новосибирск, 2011. – 389 с.
17. **Вальгер О. А.** Национальная идентичность и новостные англоязычные тексты в сети интернет // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. – Новосибирск, 2015. – С. 26–33.
18. **Pershai A.** Questioning the Hegemony of the Nation State in Belarus: Production of Intellectual Discourses as Production of Resources // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. – 2006. – Vol. 34, no 5. – P. 623–635.
19. **Сорокин П.** *Человек. Цивилизация. Общество*. – М., 1992. – 542 с.

REFERENCES

1. **Donskikh O. A.** Where is the refined slow Russian speech? – *Higher Education in Russia*. – 2013. – Vol. 10. – P. 69–77.
2. **Joseph J.** *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire & New York, 2004. – 125 p.
3. **Gellner E.** *Nations and nationalism*. – Cornell, 2008. – 154 p.
4. **Anderson B.** *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. – London, 2004. – 245 p.
5. **Smith Anthony D.** *National identity*. – Nevada, 1991. – 228 p.
6. **Wright S.** *Community and Communication. The role of language in nation state building and European integration*. – Clevedon, 2000. – 281 p.
7. **Erokhin V. V., Vezner S. I.** Motivational Potential of the Interaction of the Communication and Linguistic-pantomime Factors in the Methodology of Teaching the Subjects Connected with Foreign Languages. – *Philosophy of Education*. – 2015. – No 3. – P. 65–75.
8. **Renan E.** What is a Nation? – *Nation and Narration*. – 1990. – No. 11. – P. 8–22.
9. **Meinecke F.** *Historism; the Rise of a New Historical Outlook*. – Oxford, 1972. – 405 p.
10. **Kohn H.** *The idea of nationalism: a study in its origins and background*. – Transaction Publishers, 1961. – 737 p.
11. **Kaigorodov P. V.** Expediency of the «Nationality» Concept as an Element of identity. – *Ideas and ideals*. – 2013. – Vol. 2, no 3. – P. 38–43.

12. **Hobsbawm E.** Are all Tongues Equal? Language, culture, and national identity. – Living as Equals. Ed. by Paul Barker. – Oxford, 1997. – P. 85–98.
13. **Thostov A. Sh., Rasskazova E. I.** Identity as a Psychological Construct: Opportunities and Limitations of the Interdisciplinary Approach. – Psychological Research. – 2012. – Vol. 5, no. 26. – P. 2–10.
14. **Kam Ch. P. I.** Personal identity versus national identity among Hong Kong youths – personal and social education reform after reunification. – Social Identities. – 2012. – Vol. 18, no 6. – P. 649–661.
15. **Malakhov V. S.** Symbolic Production of Ethnicity and Conflict. – Language and Ethnic Conflict. – 2001. – Issue 22. – P. 115–137.
16. **Smirnov S. A.** Devil's Bridge: an Introduction into Transition Anthropology. –Novosibirsk, 2011. – 389 p.
17. **Valger O. A.** National Identity and English News Texts in the Internet. – Actual Problems of Philology and Methodology of Teaching Foreign Languages. – Novosibirsk, 2015. – P. 26–33.
18. **Pershai A.** Questioning the Hegemony of the Nation State in Belarus: Production of Intellectual Discourses as Production of Resources. – Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2006. – Vol. 34, no 5. – P. 623–635.
19. **Sorokin P.** Human being. Civilization. Society. – Moscow, 1992. – 542 p.

BIBLIOGRAPHY

- Appadurai A.** Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. –Minneapolis, 1996. – 248 p.
- Bazić J., Anđelković A.** National identity in the Bologna process. – Informatologia. – 2011. – No. 44 (3). – P. 207–213.
- Brubaker R.** Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge, 1996. – 216 p.
- Bruner, M. L.** Rhetorical studies and national identity construction. – National Identities. – 2011. – Vol. 13, Issue 4. – P. 403–414. DOI:10.1080/14608944.2011.629428
- Cooper R.** The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-first Century. – London, 2003. – 192 p.
- Denham K., Lobeck A. (eds.)** Linguistics at school: Language awareness in primary and secondary education. – Cambridge, 2010. – 311 p.
- Gellner E.** Culture, Identity, and Politics. – Cambridge, 1987. – 200 p.
- Giddens A.** The Nation-State and Violence. – Cambridge, 1985. – 408 p.
- Kaplan D. H., Herb G. H.** How geography shapes National Identities. – National Identities. – 2011. – Vol. 13, Issue 4. – P. 349–360. DOI:10.1080/14608944.2011.629424.
- Khusainova A. A., Kudryavtseva M. G.** Model of forming socio-cultural identity of university students via learning a foreign language. – Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – No. 6(1S3). – P. 327–330.
- Rembold E.** Space and identity: constructions of national identities in an age of globalization. – National identities. – 2011. – Vol. 13, issue 4. – P. 361–377. DOI:10.1080/14608944.2011.629425.
- Shaw M.** Theory of the Global State: Globality as an Unfinished Revolution. – Cambridge, 2000. – 316 p.
- Smith A. D.** Biblical beliefs in the shaping of modern nations. – Nations and Nationalism. – 2015. – Vol. 21, issue 3. – P. 403–422. DOI: 10.1111/nana.12131.

Принята редакцией: 09.09.2015